

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Н48

Предисловие *Михаила Makeева*
Составление *Кати Рубан*

Иллюстрация на переплете *Анны Рысухиной*

Иллюстрация в марке серии:
© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Некрасов, Николай Алексеевич.
Н48 Стихотворения / Николай Некрасов. —
Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Собрание
больших поэтов).

ISBN 978-5-04-117105-6

Неиссякающая сила поэта Н.А. Некрасова — в особой доверительности его художественных интонаций: они обращены к сокровенным сторонам человеческой природы, угнетаемой повседневностью, испытываемой на прочность социальными конфликтами. Проблемы вечные, но слово Некрасова целит и укрепляет. Литературное наследие Н. А. Некрасова обширно и разнообразно по жанрам. В книгу включен и знаменитый панаевский цикл — изумительный памятник любовной лирики XIX века, и философская лирика, и стихотворения, обращенные к детям, и, безусловно, гражданская лирика поэта, интерес к творчеству которого неукоснительно растет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

© Makeev M. C., предисловие, 2021
© Оформление.
ISBN 978-5-04-117105-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, стать большим поэтом Некрасов был не должен. Для этого не было никаких предпосылок. Родился он (28 декабря 1821 года) в семье заурядного помещика средней руки Алексея Сергеевича Некрасова, чьи культурные интересы ограничивались преимущественно своеобразной поэзией охоты и любовью к духовым оркестрам (вынесенной, видимо, с военной службы, в которой он больших чинов не достиг) и его чуть более культурной жены Елены Андреевны, в девичестве Закревской (чью развитость поэт в посвященных ей стихах будет преувеличивать). Детство Некрасов провел в Ярославской губернии в родовом имении Грешнево. По тогдашним меркам ничего особенно поэтического его не окружало: крестьянские дети, с которыми он любил играть, простая природа средней полосы России, неподалеку Волга с ее

водами и преимущественно торговыми кораблями (расшивами, барками, баржами), которые приходилось тащить по трудным местам бурлакам. Никто тогда и представить себе не мог, что именно все это может стать предметами самой высокой лирики.

Поэзия же в это время увлекалась экзотическими странами и пейзажами, описывала бурные страсти романтических героев. Поэты переводили и переиначивали Шиллера и Гейне, Байрона и Гете, погружались в сложные туманные рассуждения Канта, Шеллинга и Фихте. И к этому богатству Некрасову приобщиться не удалось в те годы, когда такие запасы у человека складываются: учился в Ярославской гимназии он плохо, оставался на второй и даже третий год, и в результате отец забрал его домой до окончания курса. До конца жизни Некрасов не проявлял интереса к отвлеченным философским построениям, не знал иностранных языков (даже французского, который знали, кажется, все). К поэзии, которой увлекся в гимназии, он таким образом был совершенно непригоден. Это показала судьба его ранних стихотворений, которые он писал, подражая тем, что печатались в жур-

налах, имевшихся в гимназической библиотеке. Изданные в виде сборника, названного «Мечты и звуки», в 1840 году, они совершенно провалились у публики и не вызвали восторга критики, поскольку были не только похожи на все, что тогда печаталось, но и были скорее хуже среднего уровня тогдашней поэтической продукции. Да и сама романтическая поэзия уже начинала сходиться с литературной сцены, переставала интересовать читателей. Между тем именно с надеждой на успех книги и в предвкушении той славы и богатства, которые она принесет (а не для того, чтобы поступить в кадетский корпус, как надеялся снабдивший его небольшой суммой денег отец), наивный недоучившийся гимназист прибыл в 1838 году в Петербург.

Совсем непоэтично реагировал Некрасов на свою неудачу и крушение надежд на обретение денег и славы гениального поэта — оставшись без денег и без поддержки отца (отказавшегося финансировать непонятно чем занимавшегося в столице сына), он не сошел с ума, не умер с голоду, не спился и не вернулся с позором в отчий дом. Непоэтическая часть его личности — цепкость, рано проявившаяся практическая склон-

ность, предпринимательский талант — не дала ему пойти ни по одному из этих путей (хотя через короткий период нешуточных бедствий в мрачном осеннем Петербурге ему пройти пришлось). Некрасов занялся мелким литературным предпринимательством (издавал юмористические сборнички, не брезговал даже рекламными афишками в стихах), устроился в средней руки литературно-театральный журнал, начал писать фельетоны в стихах и прозе, обзоры литературы, рецензии на театральные представления, затем начал сочинять и ставить на петербургской сцене водевили собственного сочинения, а также переделки французских комедий и мелодрам (под псевдонимом А. Перепельский) и даже приобрел на этом поприще относительно популярное имя. Словом стал литератором, пусть и не таким, о котором мечтал. Многие из того, что он тогда (1840–1843 годах) писал, сохранилось (что-то утеряно из-за анонимности такого рода журнальной продукции): в этой продукции встречаются удачные шутки, затейливые рифмы, иногда острые каламбуры, нравившиеся непритязательной публике. Но, конечно, ничего из того, что он тогда написал, не

выдержало бы испытания временем — подавляющее большинство написанного Некрасовым тогда интересно нам сейчас только потому, что оно написано этим, совсем другим поэтом.

Решающим событием стало произошедшее в 1843 году знакомство с В.Г. Белинским и связанным с ним кругом либеральных западников, состоявшим из по-настоящему передовых литераторов, публицистов, критиков и ученых (А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, Т.Н. Грановским, И.С. Тургеневым), чьи убеждения поэт принял и отстаивал всю жизнь. Благодаря их поддержке Некрасов стал печататься в серьезных — лучших — журналах, смог проявить себя как издатель серьезных литературных сборников («Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник»), а затем стал редактором и владельцем крупного литературного журнала «Современник» (1847–1866), на смену которому пришли «Отечественные записки» (Некрасов был их соредактором в 1868–1877 годах). Превратился в крупного влиятельного издателя (впрочем, постоянно подвергавшегося неизбежному для такого рода профессии подозрению в финансовой нечистоплотности, в эксплуатации сотрудников).

В свои издания он будет постоянно привлекать в качестве ведущих сотрудников властителей дум передовой молодежи: сначала Белинского, затем Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, затем М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.К. Михайловского. Все это радикально, революционно мыслявшие публицисты, из которых некоторые отправились на каторгу и даже на виселицу. Приносило сотрудничество с ними Некрасову не только популярность и уважение общественности, но и постоянное недовольство и гонения правительства, ставившие его самого в трудные минуты едва ли не на грань ареста, при этом его журналы получали строгие предупреждения, приостанавливались, закрывались.

Эти же издания приносили ему вполне материальную прибыль. Некрасов достаточно быстро превратился в состоятельного, а затем и прямо богатого человека. Он вел почти роскошный образ жизни — занимал прекрасную квартиру на Литейном проспекте, фешенебельной части Петербурга, крупно играл в карты и состоял в весьма аристократическом Английском клубе. Унаследовав от отца страсть к охоте, покупал дорогие заграничные ружья,

держал отличных охотничьих собак, в начале 1860-х годов приобрел весьма дорогое имение Карабиху, как своего рода «дачу», на которой планировал проводить летние месяцы (и вскоре практически подарил ее младшему брату). Все это приобреталось на заработанные деньги, однако молодая максималистски настроенная публика видела в этом противоречие с его собственными стихами. Недоверия к некрасовской искренности прибавляли спорные поступки, которые показывали поэта человеком как минимум слабым, неспособным жертвовать ради убеждений не только своей свободой, но и просто благополучием и комфортом (чего стоила ставшая скандально известной «муравьевская история»: суть ее в том, что Некрасов, пытаясь предотвратить закрытие «Современника», а возможно, и собственный арест, произнес в Английском клубе хвалебную оду в честь одного из самых жестоких царских бюрократов, графа М. М. Муравьева-Виленского).

Сплетни и подозрения вызывала и самая серьезная страсть в жизни Некрасова, предметом которой стала жена приятеля и впоследствии соиздателя «Современника», популярного бел-

летриста и критика И.И. Панаева, признанную красавицу и предмет увлечения немалого количества поклонников, Авдотью Яковлевну Некрасов, можно сказать, «отбил» ее у друга летом 1846 года, но после этого все трое жили в общей квартире, а поэт сохранял приятельские и деловые связи до самой его смерти в 1862 году. Трудные отношения Некрасова и Панаевой, наполненные ссорами и примирениями, попытками расстаться и воссоединениями, продолжались 18 лет и закончились наконец разрывом. Другие женщины — вдова Ярославского мещанина Прасковья Мейшен, французская актриса Селина Леффрена, наконец единственная женщина, на которой Некрасов все-таки формально женился в последний год жизни, Фекла Анисимовна Викторова (он «перекрестил» ее в более благозвучную в Зинаиду Николаевну, Зиночку) — не смогли по-настоящему заменить Панаеву, не вызывали такого же сильного, по-настоящему рокового чувства.

И все-таки, когда 27 декабря 1877 года Некрасов скончался после долгой и мучительной болезни, огромная толпа, собравшаяся на его похороны (молодые люди несли на руках гроб

от Литейного проспекта до петербургского Новодевичьего кладбища) и выражавшая непритворную скорбь, оплакивала не редактора, издателя и богача, прожившего яркую и противоречивую жизнь. Она скорбела о Некрасове-поэте, таком, каким он стал также с помощью Белинского, открывшего ему глаза на то, что было подлинно поэтического в его жизни — всего того, что когда-то не было поэзией. Оказалось, что поистине всенародной любви к нему не могли помешать никакие его «проступки» и «противоречия». Когда выступавший над открытой могилой поэта Достоевский сравнил его с Пушкиным, из толпы послышались недовольные возгласы: «Он был выше!» И огромное большинство читателей так искренне думали.

Популярность Некрасова при жизни была поистине огромна. Уже первый «настоящий» сборник 1856 года, выпущенный через десять лет после того, как фактически заново начался его поэтический путь (стихотворениями 1844–1846 годов «Родина» и «В дороге», вызвавшими восторг Белинского, словами «вы поэт и поэт истинный» выдавшего молодому литератору пропуск в мир большой литературы) был раскуплен

за три недели — успех, как подчеркивали современники, неслыханный со времен Пушкина. Тогда Некрасов в одночасье превратился не просто в лучшего современного поэта, но поэта «единственного». И последующие издания его произведений пользовались неизменным успехом. За его творчеством напряженно следили, выхода новых стихотворений напряженно ожидали и читали жадно. Публика покупала портреты поэта и узнавала на улице, заучивала его стихи наизусть, говорила и даже думала его стихами. В 50–70-е годы для прогрессивного человека с прогрессивными убеждениями не любить Некрасова было невозможно. В чем причина этой любви и сохранила ли его поэзия свою притягательность для современного читателя?

Критики и читатели, враждебные самому «направлению» (модное слово той эпохи), самому духу некрасовской поэзии, связывали ее популярность с готовностью автора угождать «вкусам» толпы: иначе говоря, посвящать свои стихотворения злободневным вопросам и проблемам, волновавшим читателей. И действительно, Некрасов — поэт актуальный, задевавший современного читателя, отразивший в своем

творчестве все то, что волновало мыслящего русского человека. Перед Россией во второй половине 19-го века стояло много проблем — сначала крепостное право, не исчезнувшая с его отменной проблема социального неравенства — бедность и бесправие огромной части населения страны, прежде всего крестьянства, кормящего государство и не получающего за это достойной компенсации, отторгнутого от образования, просвещения. Прогрессивные умы волновал «женский вопрос»: все они были озабочены тем, что женщина в современном обществе была отстранена от общественной, политической жизни, науки и культуры. Актуальны были и проблемы господствующей, но устаревшей патриархальной морали, отсутствия свободы печати, невозможность какого-либо участия общества (в том числе передовых, образованных его слоев) в определении судеб государства, остававшегося в руках все более и более деградирующего сословия дворян-землевладельцев и выражавшей их интересы самодержавно правящей династии.

Все эти вопросы кажутся слишком приземленными для поэзии, которой, как представляется (и представлялось тогда), свойственно вос-